

Екатерина

Улыбоні

Со всей дури!

Екатерина Вильмонт

Со всей дури!

«АСТ»

«ФТМ»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Вильмонт Е. Н.

Со всей дури! / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», «ФТМ», 2015

ISBN 978-5-17-089183-2

После пережитой трагедии и горького разочарования Лада Гудилина начинает новую жизнь. И встречает новую любовь, внезапную, счастливую, СО ВСЕЙ ДУРИ! Но мало-помалу вокруг нее сгущается ненависть, словно расплата за счастье. Так что же победит: ненависть или любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-089183-2

© Вильмонт Е. Н., 2015
© АСТ, 2015
© ФТМ, 2015

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	15
Часть третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Екатерина Вильмонт

Со всей дури!

© Вильмонт Е. Н., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Настоящему индейцу
Завсегда везде ништяк!*

Из песни группы «Ноль»¹

¹ Авторы Ф. Чистяков и П. Струков.

Часть первая

Одни руины

– Я больше не могу, у меня сил уже не осталось. Зачем все это? Девять дней, сорок дней... Все кончается банальной пьянкой, никто уже не помнит, зачем собрались... Мама, я...

– Лада, деточка, послезавтра все это закончится.

– Но это же еще надо пережить.

– Переживешь, моя девочка. Если уж смерть Андриюшину пережила...

– Мамочка, мы с ним неверующие были. Он бы этого всего не хотел.

– Но его мать хочет. Она потеряла сына, единственного. И с этим нельзя не считаться. Ты еще молодая, тридцать два всего, еще найдешь свою любовь и замуж выйдешь, а матери что остается? Ты же умная, хорошая девочка. Ну, так принято. Потерпи.

– Потерплю, – вздохнула я. – Потерплю. Но потом начну искать работу.

– Конечно, только, прежде чем начать поиски, уезжай куда-нибудь из Москвы.

– Зачем это? – страшно удивилась я.

– А чтобы морщинки эти скорбные разгладились.

– Мама!

– Поверь, так лучше будет. Тут в соседнем доме твоя свекровь живет, и уж она непременно подметит любую улыбку.

– Мамочка, если бы ты знала, как у меня все внутри болит... Я так любила Андрея... И он меня. Я считала, что вытаскала в жизни счастливый билет... Так при чем тут морщинки?

– Деточка, горе штука тяжелая. И оно никуда не денется, пока не притупится боль. Но траур носить уже не нужно. И ты уже думаешь о работе, о новой жизни, а начинать новую жизнь надо с улыбкой. Вот и поезжай куда-нибудь, где тебя никто не знает, и научись снова улыбаться. И еще – подумай о том, чтобы поменять квартиру.

– Квартиру? – ужаснулась я. – Нет, я была здесь так счастлива... – Я заплакала. – Нет, ни за что!

– Ну, как знаешь. Если надумаешь, Пашка тебе во всем поможет.

Пашка – мой племянник, сын моей старшей сестры. Мы с ним друзья.

– Да, и вот еще что... Не нужно ничего готовить.

– Как? – ахнула я.

– Я заказала пироги в «Штолле», капустные и мясные. Закуски Ксюша купит, у них рядом потрясающая кулинария, добавишь свежий огурчик в оливье, и дело с концом. А какой там студень, совершенно домашний. А ты только запечешь телятину для отвода глаз, – слегка улыбнулась мама. – Мария Афанасьевна будет довольна. И мы ей скажем, что это мы с Ксеньей готовили.

Эта мысль сперва показалась мне чуть ли не кощунственной, но мама ведь просто хотела облегчить мне столь нестерпимое для меня мероприятие.

– Мамочка, а как мне... – только начала я.

– Я знаю, что ты хочешь спросить. Как тебе избежать коллективного выезда на кладбище, да?

– Да! – Вот что значит мама...

– Позвони Марии Афанасьевне и скажи, что поедешь на кладбище рано утром, одна.

– Она обидится.

– Я поеду с ней.

– Мама!

– Я завтра сама ей позвоню и сама все скажу.

- Господи, мамочка, что бы я без тебя делала.
- Пользуйся, пока я жива.
- Мама!
- Ну прости, прости!

Едва я вошла в свою квартиру, как позвонил Пашка.

- Тетка, привет! Ты как?
- Что ты спрашиваешь? Ясно же.
- Мать сказала, что они с бабушкой берут это мероприятие на себя.
- Да, спасибо им.
- А от меня что-нибудь требуется?
- Да нет, наверное...
- А тяжести таскать?
- Какие тяжести?
- Воду, водку и т. д.
- Ой, Пашенька... Конечно.
- Напиши список, чего и сколько, я через полчаса заеду.
- Хорошо. Заезжай.

Через сорок минут он заехал. Красивый и, главное, удивительно добрый и хороший парень. В его чудных серых глазах читалось искреннее сочувствие.

- Список составила?
- Вот!
- Ого! Таскать не перетаскать. Тетка, а кофейку сделаешь?
- Ты голодный?
- Ну, что-нибудь бы съел...

Я открыла холодильник. Там было практически пусто.

– Да, в твоём холодильнике не одна мышь повесилась, а целое мышиное семейство. Вот что, тетка, поедешь со мной, без разговоров. Тебя необходимо покормить.

- Паш...
- Ничего не Паш! Подчиняйся, женщина. А то применю грубую физическую силу. Ты же знаешь, я могу. Сгребу тебя в охапку, не вырвешься, и отволоку в машину. А Мария Афана-сьевна сослепу решит, что тебя уже на руках носит чужой мужчина. Тебе это надо?

Я поневоле улыбнулась. И есть вдруг захотелось.

- Ладно, поехали. А тебе не запаadlo с такой чувырлой появляться?
- Тетка, ты дура!
- Да, наверное...

Он привез меня в большой торговый центр и повел в симпатичное кафе, где вкусно пахло свежей выпечкой.

– Только не думай, что отделаешься каким-то жалким пирожным. Ты у меня съешь нормальный обед. Здесь порции не очень большие, но все вполне вкусно. А потом мы вместе пойдем и все закупим. Скажи, тетка, ты не думаешь вернуться на работу?

- Думаю. Еще как думаю. Но...
- Знаешь, у меня есть идея!
- Господи, Пашка, какая счастливая будет твоя жена.

– Ну, я пока не спешу с этим делом. Еще погулять охота. А тебе неинтересно, какая у меня идея?

- Почему, интересно.

– Так вот, фирма, в которой я сейчас подвигаюсь, явно нуждается в твоих услугах. И я уже начал подготовительную работу.

– Боже мой!

– Да, я исподволь внушаю нашему гендиректору мысль о том, что фирме нужен такой специалист, как ты.

– Ничего себе! А гендиректор что? Слушается?

– Он созревает.

– А что там с фирмой-то?

– Понимаешь, он мужик неглупый, креативный, но из провинции... Нувориш. В людях неважно разбирается. Не умеет с людьми.

– Да, пожалуй, это мой клиент. Правда, я два года не работала...

– Да ладно! Справишься! Ты пока приходи в себя. А там он, глядишь, и созреет.

– Твоя бабушка советует мне после сороковин куда-нибудь уехать...

– Бабуля самая мудрая женщина на свете! И вообще, ты хоть высококлассный специалист, но на данном этапе явно нуждаешься в руководстве. Вон, поела и уже похожа на человека, а не на бледную тень. И я тоже считаю, ты должна куда-нибудь слинять. В какой-нибудь совсем незнакомый город. У тебя бабки-то есть?

– Да, бабки есть.

– Вот, поезжай в какой-нибудь большой незнакомый город, гуляй там, прошвырнись по магазинам, пошатайся по кафешкам и забудь хоть на время, что ты вдова. Ты интересная молодая женщина...

– Перестань! – поморщилась я.

– Ну, хочешь быть вдовой, будь, но помни – жизнь продолжается!

– Ишь ты, мудрец!

– Нет, я не мудрец, я, считай, еще младенец, устами которого глаголет истина.

Я невольно рассмеялась, впервые за долгое время.

– Знаешь, Пашка, мне и вправду стало чуть-чуть легче.

– Почему?

– Потому что ты не смотришь на меня со скорбным видом, не вздыхаешь сочувственно...

С тобой я вспоминаю, что я еще живая...

– Ох, тетка! Ну что, мне продолжать окучивать шефа?

– Да, продолжай! – решительно заявила я.

– Молодчина!

– Ну спасибо тебе, друг! Пошли скупляться, как говорила одна моя знакомая.

– А народу много будет, судя по списку алкогольной продукции?

– Человек сорок, наверное...

– Ого! Вроде на девятинах меньше было?

– Да, но тогда с Андрюшиной работы почти никого не было, у них был корпоративный выезд в Турцию.

– А, понял. Ну, ты держись!

– Постараюсь.

– Я раненько заеду, помогу со столами и стульями...

– А я с самого утра поеду на кладбище.

– А твоя свекровь?

– Бабушка обещала поехать с ней.

– Молодец, бабуля. Как же я люблю всех баб нашей семьи. И поэтому, наверное, никогда не женюсь. Где теперь таких сыскать!

С самого утра меня точила тревога. Это началось еще на кладбище. Мне даже почудилось, что за мной кто-то следит. Но сколько я ни озиралась, никого не заметила. Нервы, наверно, гуляют. И немудрено... В такси все время пыталась обнаружить за собой «хвост», но никакого «хвоста», разумеется, не было. Господи, до чего я не люблю все эти обязательные ритуалы. Знала, что днем будет прорва народу, и не смогла спокойно посидеть на могиле.

– Прости, Андрюша, – сказала я и ушла. Могла и не ездить. Завтра поеду.

Какие-то незнакомые женщины с работы Андрея помогали накрывать столы.

– Лада Владимировна, – обратилась ко мне одна из них, – боюсь, приборов не хватит...

– Да? Хорошо, я поднимусь к соседке, возьму у нее.

Соседка Дина сразу спросила:

– Чего-то не хватает, Ладочка?

– Да, приборов почему-то не хватает.

– Очень много народу?

– Ну да! С его работы понабежали какие-то тетки. Я их и не знаю. Ты-то придешь?

– А как же! Так жалко Андрея... Золотой мужик был. Сколько тебе приборов?

– Десяток наберется?

– Обижаешь! И два десятка, если надо, есть.

– Давай дюжину!

– Только ножи и вилки?

– Да вроде... Хотя нет, и столовые ложки тоже. Свекровь сварила бульон...

– Ладка, ты чего такая? Я все понимаю, но ты что, транквилизаторами накачалась?

– Да нет, почему?

– Какая-то ты заторможенная. Хотя чему удивляться? Знаешь что, я сейчас сделаю тебе чашку крепкого кофе, выпьешь, оживешь. Тебе силы сегодня понадобятся.

– Да некогда мне...

– Это пять минут. Сядь. Ты сегодня что-нибудь вообще ела?

– Кажется, нет.

– Понятно! Сейчас поправим положение.

Она быстро сварила мне кофе и сделала бутерброд с докторской колбасой.

– Вкусно.

– Еще сделать бутер?

– Давай!

После кофе и двух бутербродов у меня и впрямь появились какие-то силы.

– Я пойду с тобой, тоже помогу, чем смогу.

– Да не надо, мама все готовое купила. И салаты, и пироги... Да свекровь еще что-то наготовила... А баб на кухне – не протолкнуться. Ты просто приходи к трем.

– Ну, как знаешь. Но если понадобится, звони.

Я не стала вызывать лифт, пошла пешком. На лестничной площадке между этажами курили две женщины. До меня донеслась фраза:

– Все-таки ты сволочь, Дашка. Зачем ты-то сюда приперлась?

У меня вдруг занялось дыхание. Я замерла.

– Разве непонятно?

– Мне – нет. По-моему, это просто подло!

– Да почему? Я любила его, и он меня любил. Имею я право проститься с ним?

– И для этого обязательно приходиться в его семью и жрать за столом с его обманутой женой?

Боже, о чем они говорят? Кто обманутая жена? Я?

– А она, между прочим, ничего, стильненькая... И фигура хорошая. Но любил-то он меня!

– Ну, вряд ли сильно любил. Трахать он тебя любил...

– И это тоже.

– Если б любил, ушел бы от жены, детей у них нет. Но не ушел ведь.

– Просто не успел. Мы уж с ним говорили про это. Собирались квартиру покупать.

В новых районах в новостройках совсем недорого можно двушку купить.

Я стояла ни жива ни мертва.

– То есть он собирался сперва обустроить гнездышко, а уж потом жену бросить?

– Именно!

– Знаешь, о покойниках нельзя плохо говорить, но я удивляюсь...

– Чему ты так удивляешься?

– Неужели Андрей был такой скотиной?

– Да нет, просто, как говорится, пестик нашел свою тычинку.

Меня затошнило. Голова закружилась и я едва не выронила приборы. Больше я ничего не слышала. Я быстро спустилась к ним, глянула на эту тварь. Она побледнела.

– Вон отсюда! Чтобы я больше никогда о тебе не слышала! Вон пошла!

Я говорила очень тихо, и от этого, наверно, мои слова прозвучали угрожающе.

– Лада Владимировна! – испуганно воскликнула собеседница этой курвы. – Она сейчас уйдет!

– Да уж, будьте так любезны проследить...

– Прослежу, не сомневайтесь!

Я вошла в квартиру и сразу наткнулась на сестру.

– Ладка, ты куда запропастилась? Ой, что с тобой?

– Ничего. Нервы!

Я взяла себя в руки. Огорчать сестру сделанным только что открытием я ни за что не хотела. Я сказала себе: надо пережить этот день. А там посмотрим...

Вдруг откуда ни возьмись появился Пашка.

– Тетка, надо поговорить. Пошли на балкон!

– Ну, пошли! Что у тебя стряслось?

– Сейчас скажу... Только помнишь, что ты мне сказала в детстве, когда я ногу кипятком обварил? И от боли на стенку лез?

– Ну, помню.

– Так вот, с тех пор это у меня девиз: «Настоящему индейцу завсегда везде ништяк»!

– Ты это к чему, Пашенька?

– Тетка, я, по ходу, слышал тот же разговор, что и ты. Только ты была выше на пролет, а я ниже... И я проследил, чтобы этой лярвы духу здесь не было.

– Но ее отсутствие ничего не отменяет, Пашка.

– Чего не отменяет? – не понял он.

– Ее присутствия в жизни Андрея. А это так мерзко... и так больно...

– Ты поплачь.

– Слез почему-то нет... Комок в горле стоит... а плакать не получается... И ведь надо еще выдержать эти поминки...

– Настоящему индейцу... сама знаешь!

– Но я-то не индеец, Пашенька!

– Ты не индеец? Да ты самый индейский индеец из всех, кого я знаю!

– Понимаешь, тут ведь все будут говорить, какой он был замечательный, без страха и упрека... И я тоже в это верила...

– Просто потому, что хотела верить, – тихо проговорил он.

– Пашка, ты еще что-то о нем знаешь?

– Да нет... что ты... – как-то вяло и совершенно неубедительно пробормотал он.

– Пашка, лучше скажи!

– Да нечего мне говорить. Все, хватит нам тут шушукаться, а то злые бабы еще подумают, что у нас в семье инцест.

– Совсем сдурел?

– Нет, просто уже маленько знаю баб...

Но тут на балкон вышла сестра.

– Пашка, ты чего тут Ладе голову дуришь?

– Ничего я не дую! Просто объясняю кое-что.

– Небось насчет индейцев? – улыбнулась Ксюша.

– Именно!

– И как, помогает?

– Кажется, да, помогает... – сказала я. И пошла к гостям, как на Голгофу.

...Я пережила это день, наверное, просто потому, что я живучая. И сработал инстинкт самосохранения. Я просто застыла. Похоже, никто этому особенно не удивлялся, только мама поглядывала на меня с тревогой, да Пашка, сидевший напротив, глазами подбадривал меня. До чего же золотой парень...

Наконец, гости ушли, правда, перебив всю посуду. Остались только мама и Ксюша. Они решили, что переночуют у меня.

Когда мы привели все в порядок, мама сказала:

– Девчонки, я умираю с голоду. Мне на поминках всегда кусок в горло не лезет. И тебе, Ладоска, надо что-то съесть, а то еще хлопнешься в обморок. Ксюня, достань там что-нибудь из холодильника.

Сестра быстро накрыла стол на кухне.

– Ладоска, говори, что стряслось! – потребовала мама. – Ты даже на девятинах была совсем другая.

– Мам, – вмешалась Ксюха, – ты же понимаешь – сорок дней – это все-таки этап...

– Да ладно, я что, свою дочь не знаю? Скажи, ты узнала об Андрее что-то плохое? Да?

– Мама! – всплеснула руками Ксюша.

– Да что мама! Я знаю, что говорю!

– Мама, но откуда... – прошептала я.

– Да он же был тот еще кобель, твой любимый Андрюшенька.

– Ты знала?

– Кое-что знала, кое о чем догадывалась... Я просто надеялась, что он перебесится...

– Господи помилуй! – осенила себя крестом сестра.

– Мама, но почему же ты молчала?

– Ладоска, деточка моя, ты же так его любила! Не могла я... И не хотела вносить разлад... Хуже нет лезть между мужем и женой. Тебе сегодня кто-то что-то сказал?

– Не мне, но я услышала... Эта девка посмела явиться сюда...

– А ты?

– А я ее выгнала.

– Боже, что за люди теперь... Ни стыда, ни совести... И ведь ее наверняка привела сюда не любовь, а любопытство.

– Это уж точно, – кивнула сестра.

– Мама, Ксюха, умоляю вас, давайте прекратим этот разговор. Я не хочу... Не могу... Я должна сама со всем этим разобраться...

– Господи, ты собираешься с ней разбираться? – испугалась сестра.

– Еще чего! Много чести! Я должна разобраться с собой, со своими чувствами. И, главное, найти работу.

– Я вообще не очень поняла, почему ты работу бросила? – спросила сестра.

– Андрей настаивал. Я бы не поддалась, но фирма накрылась, и я не стала искать новую работу. А сейчас мне Пашка предлагает попробовать у них на фирме... Говорит, их начальнику позарез нужна моя помощь.

– Ладка, знаешь, я иногда даже ревную Пашку к тебе... – призналась сестра. – Он так тебя обожает! И, насколько я понимаю, с тобой он делится своими секретами, а со мной никогда.

– Ты ему, наверное, нотации читаешь, девчонок отбраковываешь...

– Ну ты скажешь... – покачала головой сестра. – Но я же мать... И я не могу допустить...

– Вот-вот! – улыбнулась мама. – Ты вспомни, я вас вполне демократично воспитывала, и вы у меня обе вполне задались. Ксения в отца, занудничать любит. А ты, Ладочка, и впрямь иди на работу. Только сначала надо привести себя в порядок. А то в таком виде тебя никто не возьмет. Кому может помочь депрессивный психолог? Да и кто такому поверит?

– Но Пашка говорит, надо спешить...

– Тогда я знаю, что делать! – загорелась мама. – Завтра ты еще приходи в себя, а я займусь организацией...

– Какой организацией?

– Организацией реанимации депрессивного психолога. И вот еще что... Перебирайся пока ко мне.

– Зачем?

– Подальше от глаз твоей свекрови. Она же будет ревниво следить за тем, как ты одета, как ты выглядишь и все такое...

– Правда, Ладка, перебирайся к маме пока. Это правильно.

– Мамочка, Ксюха, вы что, и вправду думаете, что я через два дня уже буду в состоянии...

– Будешь! Должна! Надо жить дальше. Да, ты потеряла мужа. Это прискорбно, но, между прочим, лучше так, чем если бы он тебя бросил ради молодой сучонки! – горячо воскликнула сестра.

– Нет! Пусть бы он жил. Так вообще нельзя рассуждать, это грех... – рассердилась мама. – И потом, Ладка, то, что ты узнала сегодня... вероятно, может каким-то образом примирить тебя...

– Короче, вы обе хотите мне сказать, что настоящему индейцу всегда везде ништяк?

– Вот именно!

Ночью я глаз сомкнуть не могла. Восемь лет счастливого брака вмиг превратились в труху. Я пыталась внушить себе, что несмотря ни на что Андрей любил меня. Меня, а не своих девок. Но, значит, не очень-то и любил, раз девки водились? А я никогда ничего не замечала... Или не хотела замечать? Вот мама, кажется, замечала. А я – нет. Но если он меня не любил, то зачем же жил со мной? Или он был из породы мужиков, которые органически не в состоянии хранить верность? Но он был здорово ревнив. И холодности с его стороны я никогда не чувствовала. А может, это потому, что у меня не может быть детей? Но он всегда внушал мне, что в наше такое трудное время заводить детей страшно. А эта девчонка красивая... Такая экзотическая внешность... Да, она может свести с ума мужика... Запросто! Но ведь и я не на помойке нашлась. Я всегда нравилась мужчинам. А Андрей просто ушел из дома и не вернулся... Попал в аварию, и я ездила опознавать его труп. Как я не рехнулась тогда? Я прислушалась к себе. Интересно, боль от потери стала меньше после того, что я узнала вчера? Нет. Нет!!! Она удвоилась. Я потеряла его второй раз! Но, как ни странно, я чувствовала, что с этой, второй, болью я уже смогу жить без него. Что это? Горькая обида? Или уязвленное самолюбие? Известно, эта боль самая больная. А мое самолюбие уязвлено. Еще как! И боль

почти нестерпимая. Но жить все-таки стоит! Мало ли... Вдруг удастся когда-нибудь утереть нос этой наглой экзотке? Да, теперь она для меня всегда будет наглой экзоткой! А я – настоящим индейцем! Я не выйду на тропу войны, но и трубку мира раскуривать не стану. Я просто постараюсь забыть! И о ней, и о... нем! Так будет лучше.

...Утром я собрала сумку и отнесла ключи Дине.

– Куда это ты собралась? – спросила она.

– К маме. Поживу пока у нее.

– Вот это правильно. А цветы я буду поливать. Не беспокойся. Знаешь, я вчера слышала...

– Понравилось?

– Ладка, зачем ты так? Просто я подумала, может, это и к лучшему... Я и раньше видела тут эту девку, он приводил ее сюда, когда ты в Чехии была.

Я похолодела.

– Дин, ты уверена?

– Уверена. Она очень приметная.

– Почему не сказала?

– Я не доносица. И меня это, собственно говоря, не касается. Просто противно стало. Я сама с мужем развелась из-за того, что он свою бабу домой водил. А ты не упивайся горем. Ищи работу. Живи своей жизнью.

– Я постараюсь.

Нет, в эту квартиру я больше не вернусь. Поживу пока у мамы, а через полгода продам ее к чертовой бабушке. Как подумаю, что он спал с ней в нашей постели, что она мылась в нашей ванной... К горлу подступает тошнота. И к сердцу... От нашей с Андреем жизни не осталось ничего... Машина вдребезги... Квартира опоганена... И память о нем тоже опоганена...

– Мама, я к тебе!

– Вот и чудесно! Живи, сколько хочешь.

– Мамочка, я ту квартиру продам.

– Правильно!

– Но это потребует времени. Полгода.

– Не думаю! Квартира-то по документам твоя. Это не совместно нажитое имущество, а подарок твоего отца к вашей свадьбе. Так что хоть завтра продавай! И надо подыскать тебе новую квартиру поближе ко мне.

– Мамуля, а может, съедемся, а?

– Ни в коем случае!

– Почему?

– Тебе нужна отдельная квартира. Ты еще и романы крутить будешь, и замуж выйдешь...

– О нет, благодарю покорно!

– Там видно будет, – грустно улыбнулась мама. – Идем на кухню, я сделала твой любимый протертый суп. И ватрушку испекла.

– Мамочка!

Как ни странно, поела я с аппетитом. Когда мы уже пили кофе с ватрушкой, я вдруг спросила:

– Мама, скажи... А папа... он тебе изменял?

Мама рассмеялась.

– А как же!

– И ты прощала ему?

– Да, прощала. Но он делал это очень, я бы сказала, изящно. И я точно знала, что любил-то он меня, а девки... это было так, для поддержания тонуса. И я тоже ему изменяла, и тоже

для тонуса. А в результате у нас был вполне гармоничный брак. Мы вырастили двух чудесных дочек. И когда он умер, никакая грязь не всплыла... Он был прелестным человеком, твой отец.

– И у вас даже речи о разводе не заходило?

– Да нет же!

– Мама, а ты... ты изменяла папе... без любви?

– Нет, была у меня любовь. И я бы ушла... Но...

– Тот человек не хотел на тебе жениться?

– Хотел. Очень хотел. Только он был испанец. Его мать привезли в Союз еще совсем крохой, она была из тех испанских детей... И он собрался вернуться в Испанию. Звал меня с собой, но у меня уже была Ксюха. И я бы лишила ее не только отца, но и родины. Для нашего поколения это был не пустой звук. И он уехал, а твой отец... он что-то почуял. Он ужасно боялся меня потерять.

– А тот человек? Ты с ним еще виделась?

– Нет. Он уехал и сгинул. Он очень обиделся тогда. И потом для него началась совсем новая жизнь, а это всегда непросто. И ему, видно, было не до меня. А я через полтора года тебя родила. И уже никуда не стремилась. И папа успокоился. Он вас обожал. И мы прекрасно жили. Тем более что после перестройки он смог реализовать себя, его идеи понадобились. Он консультировал многих крупных бизнесменов, ему за это прекрасно платили. Работал с утра до ночи, и не до гулянок ему стало. Знаешь, в советское время мужики зачастую спивались и пускались во все тяжкие из-за невозможности себя реализовать...

– Да, я об этом слышала.

– Ничего, Ладоска, и у тебя еще все будет хорошо. А завтра мы поедем в салон красоты и по магазинам. Не будем откладывать начало новой жизни.

– Да, мама, правильно, тем более что позади одни руины...

Часть вторая

С чистого листа

Через несколько дней после переезда к маме я была практически готова к трудовым подвигам. С утра до ночи занималась аутотренингом и приведением себя в надлежащее состояние. Об Андрее я почти не вспоминала, удалось заблокировать память. Все в прошлом. Я начинаю с чистого листа...

Пашка заехал за мной.

– Ну, тетка, поехали! Выглядишь отпадно. Не будь ты моей теткой, я бы на тебя запал...

– Боже, какой ты пустомеля!

– Ничего не пустомеля! Просто ты объективно классно смотришься. Я тобой горжусь!

– Гордиться будешь потом, если у меня...

– Не если, а когда у тебя все получится!

Мы подъехали к внушительному зданию, где помещалась фирма, в которой работал он и предстояло работать мне. Я вдруг оробела.

– Ништяк! – сказал Пашка. – Вперед и с песней.

Мы поднялись на лифте на тринадцатый этаж. И я вдруг успокоилась. Тринадцать – мое любимое число.

Юная красотка секретарша доложила о нашем приходе.

– Заходите!

Кабинет шефа был огромен. Сам он терялся где-то вдали.

– Помни – ты настоящий индеец! – шепнул Пашка.

Шеф, еще молодой мужчина, не встал. Видимо, просто не знал, что надо. Ничего, я тебя вышколою, задорно подумала я.

– Присаживайтесь, пожалуйста. А ты, Павел, свободен.

Пашка едва заметно пожал плечами и удалился.

Шеф с интересом меня рассматривал. Молчание затягивалось. Пора брать быка за рога.

– Итак, вам понадобились мои услуги.

– Совершенно верно. Вас как звать-то?

– Лада Владимировна. А вас?

– Юрий.

– А отчество?

– Юрий Александрович. Только зачем нам отчества?

– А это избавляет от ненужной фамильярности. Помогает держать необходимую дистанцию. Не говоря уж о том, что мы русские, живем в России, где принято обращаться к малознакомым людям по имени-отчеству.

– Во как! Ну, круто! Ладно, перейдем к делу. Мне нужен корпоративный директор.

– А что это такое, можно спросить?

– Ну, тебе, то есть вам, надо будет для начала заняться моим имиджем и имиджем фирмы. Познакомиться с персоналом. Ну и... следить, чтобы все соответствовало... Фирма крупная, занимается внедрением высоких технологий в разные сферы деятельности. Слушай, а тебя мама случайно Ладойшкой не звала?

Я вытаращила глаза.

– Откуда вы знаете?

– Выходит, звала?

– И сейчас зовет. Но...

– Ладка, не узнаешь меня?

– Нет.

– Ох, блин! Мы же с тобой даже целовались... Не припоминаешь?

– Нет.

– Вот безголовая! – уже вовсю смеялся он. – В Гатчинском парке и в заброшенных помещениях дворца...

– Юрка! Господи, я тебя совсем не узнала! Ты такой босс...

– А ты такая фря! Ну надо же, как интересно! А я гляжу, что-то знакомое. Но вспомнить не мог, а потом ты так бровь подняла, и я сразу вспомнил. А ты шикарная баба. Ну что, пойдешь ко мне работать? А Павлик, значит, сын твоей сестры. Здорово креативный парень, между прочим. Слушай, Ладка, я рад. Здорово рад.

– Я тоже рада. Так неожиданно...

– Я тебя беру.

– Неосмотрительно.

– Почему?

– Ну, ты же ничего обо мне не знаешь еще. А просто по причине старого знакомства...

– По причине старого знакомства я скажу тебе, ты меня явно недооцениваешь. У меня есть на тебя полное доверие. Просто я не помню твоей фамилии или вовсе никогда ее не знал. Когда с девчонкой в основном играешь в волейбол и целуешься по кустам, фамилии как-то не спрашиваешь. Ты ведь тоже моей фамилии не знала?

– Не знала.

– Ну так вот, я тебя беру!

Он позвонил секретарше.

– Юль, принеси два кофе.

– Ну, если ты меня действительно берешь, то я немедленно приступлю к своим обязанностям. Итак, в присутствии любого твоего сотрудника, вплоть до уборщиц, мы обращаемся друг к другу по имени-отчеству.

– Понял. Права.

– Секретарша у тебя толковая?

– Более или менее. Зато красивая.

– Ты с ней спишь?

– А это имеет значение?

– Да.

– Не понял.

– Секретаршу надо бы сменить. А за пределами фирмы делай что хочешь.

– Я все же не понял.

– Серьезные клиенты при виде такой несомненно хорошенькой девушки могут счесть тебя не слишком серьезным руководителем. Кроме того, такие юные прелестные создания, с которыми спят начальники, питательная почва для промышленного шпионажа.

– Здравствуйте, приехали!

– Дело, конечно, твое. Я просто излагаю тебе свои соображения.

– А что ж мне, старую грызму в приемной посадить?

– Да. Это будет лучше. Или толкового парня.

– Я подумаю. А еще что?

– Какая у тебя машина?

– У меня несколько...

– На фирму ты на какой приезжаешь?

– На «Майбахе».

– Не годится.

– Почему?

- Провинциальные понты, Юрочка.
- Круто! А на чем же мне ездить?
- «Мерседес», «Ауди», «БМВ». Вполне достаточно.
- А ты знаешь, сколько стоит «Майбах»?
- Примерно.
- Куда ж я его дену?
- Это уже не моя проблема.
- Круто!
- Скажи, сколько человек у тебя в штате?
- Сто двадцать. С тобой будет сто двадцать один. И Юльку я пока увольнять не буду.
- Дело твое. Если ты в ней уверен...
- Уверен. Она у меня уже полтора года работает. Хорошая девка.
- Юра, я только даю рекомендации. Настаивать ни на чем не буду. Скажи, у тебя на фирме что-то не так? Зачем ты пригласил меня?
- Ну, я, как ты заметила, провинциал. И с понтами. Бывает, увлекаюсь какой-то идеей и иду напролом. Потому и добился многого. Но в последнее время напролом уже не всегда правильно. В коллективе кое-где наблюдается разброд и шатание. Он раньше работал как хорошо отлаженный механизм, а в последнее время что-то стало сбивать. Вот я и подумал... А тут Павлик предложил свою родственницу. Слушай, я забыл, у тебя в Гатчине кто-то жил?
- Мамина тетка. Она, к сожалению, в позапрошлом году умерла. А у тебя? Ты ведь тоже не местный был?
- Ага, я из Кинешмы. А в Гатчине жили отцовы родственники. А ты давно там была?
- В позапрошлом году, на похороны ездила. Это теперь такой очаровательный городок... И дворец постепенно приводят в порядок. А знаешь, я когда в парке белок кормила, вспомнила, как мы с тобой там целовались... Кто бы мог подумать, что мы еще встретимся.
- Да уж... Сюрприз! Ладно, время поджидает. Короче, я тебя беру. Оформляйся! И завтра же приступай к работе!
- Мы еще обсудили условия, которые меня вполне устроили, и я ушла.
- Я прекрасно понимала, что работа предстоит нелегкая, меня непременно будут подсиживать недовольные моими рекомендациями, но это часть профессии. Никуда не денешься. И все-таки я была страшно рада.

Часть третья

В броне

- Слышь, Пашка, это правда, что Гудилина твоя родственница?
- Допустим. И что?
- Да крутая баба!
- И что?
- А сколько ей лет?
- Тебе зачем?
- Да интересно. Она вдовица, говорят.
- Слушай, отвянь, а?
- Она ничего, красивая... С такой можно...
- Можно в рыло схлопотать. Это запросто.
- Пашка, ты чего как неродной?
- Я как раз как родной, только не тебе, козлу.
- За козла ответишь!
- Хоть сейчас!
- Да ладно, охота была связываться.

Это был далеко не первый подобный разговор. Персона Лады Владимировны Гудилиной вызывала интерес и зачастую небеспочвенные опасения. Четыре человека по ее милости уже вылетели с работы. Правда, от этого был явный толк. В отделах, откуда уволили людей, атмосфера определенно изменилась к лучшему. Однако оценить объективно эти перемены далеко не все были в состоянии. Поползли слухи, что она любовница шефа и нашептывает ему в постели свои драконовские рекомендации.

Когда этот слухок достиг ушей Пашки, он скрипнул зубами и набрал номер Лады.

- Тетка, ты можешь сегодня со мной пообедать?
- Что-то случилось?
- Есть одна темка. Но хотелось бы вне стен фирмы.
- Хорошо.
- Тогда я за тобой зайду.
- Заходи.

Они отправились в ресторанчик на соседней улице.

- Что стряслось, Пашенька?
- Как тебе у нас работается?
- Да нормально. Вроде моя работа приносит плоды. А что?
- Скажи, а с Яншиным как?
- Хорошо. Очень правильный мужик. И прислушивается к советам.
- Это ты ему посоветовала сменить «Майбах» на «мерс»?
- Я. Ну, он же меня для того и нанял. И говорит, что доволен.
- А ты знаешь, ходят слухи, будто у вас роман.
- Роман? Да ты что! Нет, Пашка, нет никакого романа. Боюсь, я нескоро еще буду в состоянии завести роман. И уж точно никогда не позволю себе завести роман с руководителем, к тому же женатым руководителем.
- А кто-то слышал, что ты с ним на «ты».
- Значит, это Юля. Единственная рекомендация, к которой Яншин не прислушался.

– Ты советовала ему уволить Юльку? Он же с ней спит! Но при чем здесь она?

– Видишь ли, Пашенька. Выяснилось, что мы с Яншиным в далеком отрочестве дружили, когда я летом жила у маминой тетки в Гатчине. Поэтому и общаемся наедине на «ты». Но только наедине. А девица, выходит, подслушивает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.